

Протоиерей Михаил Ардов

НЕНАПИСАННАЯ ТРАГЕДИЯ

История невестки Горького ждет своего Шекспира!

31 МАЯ 1956 г. Ахматова произнесла такие слова: «Наше время даст изобилие заголовков для будущих трагедий. Я так и вижу одно женское имя аршинными буквами на афише». И Анна Андреевна пальцем крупно вывела в воздухе: «ТИМОША».

Лидия Корнеевна Чуковская, из дневника которой взят данный эпизод, снабдила свою записку примечанием: «Тимоша — домашнее прозвище невестки Горького, жены его сына Надежды Алексеевны Пешковой (1901—1970). Роль и судьба этой женщины — как и всех людей, близко связанных с Горьким, с его домом, с его жизнью и смертью, — строго засекречена — и требует особого изучения».

А.А. и Надежда Алексеевна встречались в эвакуации, в Ташкенте.¹

Надобно заметить, что тут Лидия Корнеевна не вполне права. Горький слишком видная фигура, а посему засекретить «все» было нереально. И мы без особого труда можем представить себе обстоятельства, которые натолкнули Ахматову на эту мысль.

Как известно, «великий пролетарский писатель» жил настоящим барином — в окружении чад и домочадцев, приживальщиков и челяди... О своем окружении Горький не всегда отзывался с должной почтительностью. Актриса Фаина Раневская запомнила и записала такую его реплику: «Двадцать ж... кормлю».²

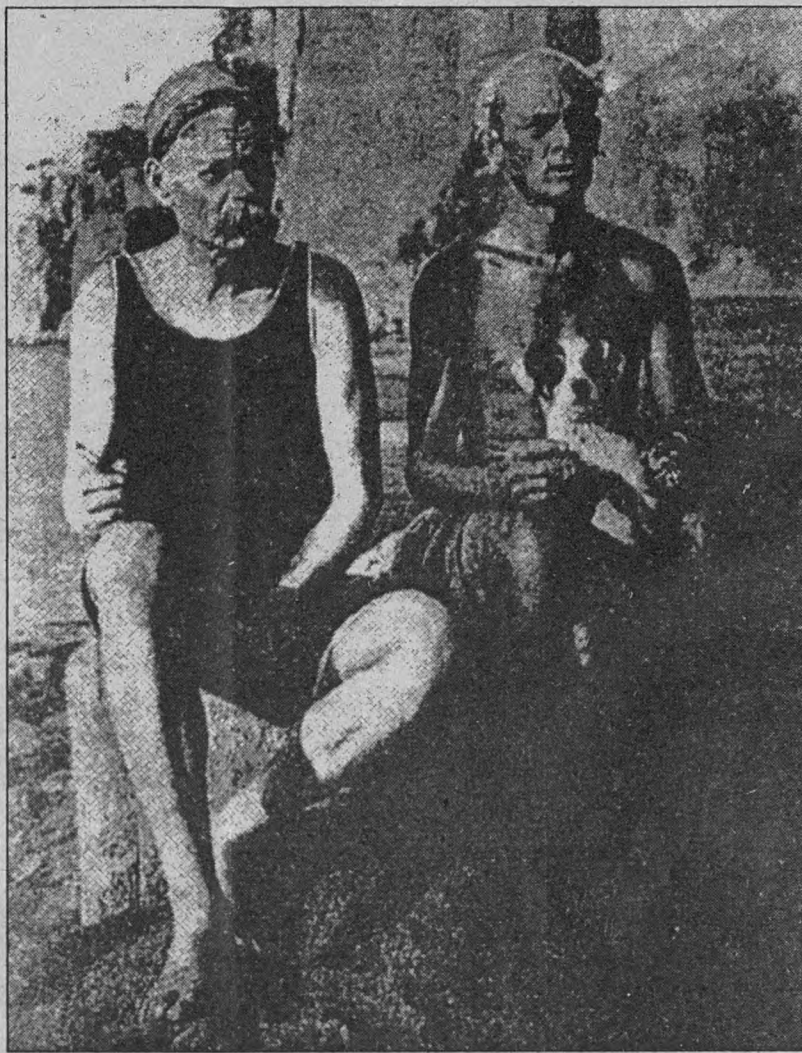
О том, как существовал Горький со своей свитой, сохранилось драгоценное свидетельство — воспоминания Владислава Ходасевича. Он и его жена Нина Берберова на определенном этапе своей жизни принуждены были входить в упомянутую двадцатку.

Но прежде чем обратиться к мемуарам Владислава Фелициановича, я хочу привести еще одну цитату. В словах Ахматовой, которые записала Чуковская, есть некая несообразность: Тимоша вовсе не женское имя. Но у той же Раневской мы читаем: «В 1922 году Горький уехал со своим сыном и невесткой в Италию. Там очаровательная молодая Надежда Алексеевна, следившая за европейской модой, решила отрезать свою роскошную косу. На следующий день короткие волосы выбились из-под шляпы. Горький, увидев это, заметил, что раньше в России кучеров звали Тимофеями — их кудри торчали из-под шапок. Так и осталось за Надеждой Алексеевной это имя — Тимофей, Тимоша».³

Воспоминания Ходасевича о Горьком исполнены доброжелательности. Вот, например, описание жизни на вилле, «которой суждено было стать последним прибежищем Горького в Италии»: «В верхнем ее этаже была столовая, комната Горького (спальня и кабинет вместе), комната его секретарши бар. М.И. Будберг, комната Н.Н. Берберовой, моя комната и еще одна, маленькая, для приезжих. Внизу, по бокам небольшого холла, были еще две комнаты: одну из них занимали Максим и его жена, а другую — И.Н. Ракитский, художник, болезненный и необыкновенно милый человек...»

Жизнь в двух этажах протекала неодинаково. В верхнем работали, в нижнем, который Алексей Максимович называл детским, играли. Максиму тогда было лет под тридцать, но по характеру трудно было дать ему больше тринадцати. С женой, очень красивой и доброй женщиной, по домашнему прозвищу Тимошей, порой возникали у него размолвки вполне невинного свойства. У Тимоши были способности к живописи. Максим тоже любил порисовать что-нибудь. Случалось, что один и тот же карандаш или резинка обоим были нужны одновременно.

— Это мой карандаш!
— Нет мой!
— Нет мой!

Максим Горький и его сын Максим Пешков. 1923 г.

На шум появлялся Ракитский. Он кричал:

— Максим, сейчас же отдай карандаш Тимоше!

— Да он же мне нужен!

— Сейчас же изволь отдать, ты старше, ты должен ей уступить!

Максим отдаст карандаш и уходит, надув губы. Но, глядяшь, через пять минут он уже все забыл, насмешливо и приплясывает.

Он был славный парень, веселый, уживчивый. Он очень любил большевиков, но не по убеждению, а потому что вырос среди них, и они всегда его баловали. Он говорил: «Владимир Ильич», «Феликс Эдмундович», но ему больше шло бы звать их «дядя Володя», «дядя Феликс». Он мечтал поехать в СССР, потому что ему обещали подарить там автомобиль, предмет его страстных мечтаний, иногда ему даже снившийся. Пока что он ухаживал за своей мотоциклеткой, собирал почтовые марки, читал детективные романы и ходил в синематограф, а придя, пересказывал фильмы, сцены за сценой, имитируя любимых актеров, особенно комиков. У него у самого был замечательный клоунский талант, и, если бы ему нужно было работать, из него вышел бы первоклассный эксцентрик. Но он отродясь ничего не делал. Виктор Шкловский прозвал его советским принцем. Горький души в нем не чаял, но это была какая-то животная любовь, состоящая из забот о том, чтобы Максим был жив, здоров, весел.⁴

Но вот настали иные времена, и Горький был принужден вернуться на родину. Сталин радостно принял его и одарил по-царски. Но, несмотря на роскошь, жизнь этой семьи в СССР вовсе не на-

поминала ту идиллию, которую живописал Ходасевич.

В семидесятых годах я был знаком с Еленой Александровной Краснощековой. (Теперь она живет в Америке.) В те годы, когда мы общались, она занималась изданием сочинений Всеволода Иванова. И я запомнил расска-

занную ею историю: «Я включила в том один из рассказов Иванова. Новелла как новелла. Но вдруг я обнаружила, что об этом рассказе существует восторженный отзыв Горького. Тогда я спросила у вдовы — Тамары Владимировны Ивановой: «Отчего Горький пришел в такой восторг? Это же не из лучших произведений вашего мужа?» Она усмехнулась и сказала мне: «Тут все дело в сюжете. Ведь это рассказ о деревенском снохаче... А Горький в то время был без ума влюблен в Тимошу...»

Для несведущих цитата из словаря Даля: «Снохач — живущий незаконно со снохою».

И еще одно воспоминание. У моей матери была близкая подруга — Екатерина Ивановна Рогожина, она была актрисой Малого театра и женою писателя Льва Никулина. В начале тридцатых годов она была вхожа в дом Горького, и мне запомнился ее рассказ. Она говорила, что в те дни расставания сил в семье была такая: сам Горький и Тимоша жили в Москве, в особняке Рябушинского. А «бедный», как выражалась Рогожина, Максим существовал на даче, куда, впрочем, для него доставлялись весьма привлекательные утешительницы.

Особенного внимания заслуживает то, что говорится о Тимоше в «Архипелаге ГУЛАГ» (часть III, гл. 2), там описывается пришествие Горького и его спутников на Соловки: «Это было 20 июня 1929 года. Знаменитый писатель сошел на пристань в бухте Благо-

денствия. Рядом с ним была его невестка, вся в коже (черная кожаная фуражка, кожаная куртка, кожаные галфе и высокие узкие сапоги), живой символ ОГПУ плечо о плечо с русской литературой».

Мы знаем, что Александр Исаевич Солженицын — автор неочевидно добросовестный и ответственный. Он ни в коем случае не станет поминать все такую аббревиатуру, как ОГПУ. И тут проявляется некая побочная сюжетная линия.

Общезвестно, что Горький с давних времен был весьма близок к семейству нижегородских евреев Свердловых. В частности, старший брат знаменитого Якова Михайловича (Янкеля Моисеевича) — Зиновий — был крестником Горького и стал носить фамилию и отчество своего воспитанника, именовался Зиновием Алексеевичем Пешковым. (Кстати сказать, это был человек удивительной судьбы. Во время первой мировой войны он был во французском иностранном легионе и весьма отличился в боях. В конце концов он стал генералом французской армии и его высоко ценил президент де Голль.)

Так вот, был у братьев Свердловых некий свойственник по имени Генрих Ягода (Иегуда?). А в тридцатых годах этот человек некоторое время занимал пост наркома внутренних дел. И при том он считался главным другом и покровителем Горького. (Как можно догадаться, Ягода негласно надзирал за «великим гуманистом», следил по поручению Сталина, чтобы тот ненароком не «перегуманился».) Но увы! Близость главного чекиста к семейству писателя тем самым не ограничивалась. Тимоша была принуждена делить свою благосклонность между знаменитым свекром и могущественным «другом дома».

Ее любовная связь с Ягодой была весьма скандальной, об этом судачили не только в Москве, но и в далеком Париже. Даже корректнейший Ходасевич принужден был упомянуть об этом в печати: «Жена Максима, Надежда Алексеевна, по домашнему прозвищу Тимоша, была очень хороша собой. Ягода обратил на нее внимание. Не знаю, когда именно она уступила его домогательствам. В ту пору, когда я наблюдал ее ежедневно, ее поведение было совершенно безупречно».⁵

Развязка этой чудовищной семейной драмы не заставила себя ждать и была в духе истинной трагедии. Сначала умирает законный муж Тимоши — Максим, за ним загадочная, но вполне объяснимая смерть уносит и самого Горького, после чего смешен со своего поста, а впоследствии и расстрелян Генрих Ягода. Среди множества вмененных ему преступлений было, в частности, обвинение в убийстве Горького и его сына.

Но и это — еще не финал трагедии. В качестве такового я бы предложил состоявшееся затем заключение «династического брака». Дочь Тимоши, внучка Максима Горького, выходит замуж за сына Лаврентия Берии. А сей последний в то время является хозяином Лубянки, он восседает в том самом кабинете, который несколько ранее занимал Генрих Ягода. Биография Тимоши в общих чертах проговорена (см. например, «НГ» от 17.01.97); о ее трагедии не сказал пока никто...

Новый Шекспир, где ты?

■ Примечания.

1. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. — М., 1997, т. II, с. 21.

2. Щеголов А. Раневская. — М., 1998, с. 94.

3. Там же, с. 93.

4. Ходасевич В. «Некрополь» и другие воспоминания — М., 1992, с. 179—181.

5. Ходасевич В. Белый коридор. Воспоминания. — N.Y., 1982, с. 26.

Максим Горький, Надежда и Максим Пешковы с детьми Марфой и Дарьей. Сорренто, 1928 г.